

ВЕРХНЯЯ МАЗА

Константин Селиванов

С Верхней Мазой, степным селением Сызранского уезда Симбирской губернии связаны последние годы жизни Дениса Васильевича Давыдова. За свои вольнолюбивые произведения он был внесен в список «неблагонадежных и опасных лиц». За ним следили жандармы, к нему подсылали секретных агентов. Знаменитый герой войны 1812 года, партизан с чином генерал-лейтенанта, извест-

Д. Доу
Давыдов Денис Васильевич
(1784-1839)

ный поэт скончался в Верхней Мазе, где и был похоронен. Чего стоит полное гнусной клеветы и бешеной злобы заявление генерала Полторацкого: «Давыдов, заржавевший в своей хвалынской деревне. Он кончил, как начал — попивая. Юноша, герой-гусар, чувственный писака, сделался хозяином-петухом... Жалеть о смерти подобных людей — много горя будет». Но как ни старались недоброжелатели, им не удалось очернить славное имя Дениса Давыдова.

Около десяти лет — с 1829 по 1839 год — прожил Д.В. Давыдов в Верхней Мазе, полюбил село, окружающие «благословенные степи». Изредка наезжая в столицы, он рвался домой, в Мазу, где чувствовал себя свободным, независимым. «Страсть, как опять хочется в Мазу, — писал в одном из писем. —

Мне скучно здесь, в Москве, я в степь хочу... Вообразить не можешь, как меня обольстили мои симбирские и саратовские степи. Так бы и полетел туда, что, впрочем, я непременно сделаю».

В Мазе Давыдов занимался хозяйством. К крестьянам относился мягко, заботливо, убавил барщину, облегчил оброк, при нужде помогал лесом, хлебом, советом. В своих дворовых видел близких людей. За-

болел камердинер — Давыдов шлет к соседу-помещику срочного гонца с запиской «одолжить ради Бога фельдшера на сутки». Завел в селе школу, отдавая свои литературные заработки на содержание учителей. Не случайно добрая слава о Денисе Васильевиче до сих пор живет среди жителей села.

Одно из любимых занятий Давыдова в Мазе — псовая и соколиная охота. Давыдовская псарня славилась на весь уезд. С упоением, со всей страстью он предавался охоте, пропадая в степях целыми сутками. Письма из Мазы переполнены заметками об охотничьих успехах.

Охота отвечала азартному характеру Давыдова, он любил дальние дороги в буран, в осеннее ненастье, в ростепель — это «давало какое-то наслаждение борьбы». Так описывает свой путь от Москвы

весной 1836 года: «Я плыл, топился, полз по голой земле, обрывался в зазоры и часто ночевал в поле под проливным дождем в перекладной открытой повозке». На местных разбойников нагнал такой страх, что достаточно было крестьянину сказать «я давыдовский», как его отпустили с миром.

С местными крепостниками-помещиками почти не общался. Прослыл «большой руки оригиналом». Тесные связи поддерживал с небольшим кругом друзей. Это — Ивашевы, Языковы, Бестужевы. В этих семьях, связанных близким родством, еще жило сочувственное отношение к декабристам, сказывалась неприязнь к николаевскому режиму. Совсем не случайно, например, Д.В.Давыдов и А.В.Бестужев отсутствовали на торжественной встрече Николая I в Симбирске, хотя Бестужев был предводителем дворянства Сызранского уезда. Неизвестно, чем он мотивировал свою неявку. Давыдов же сослался на то, что забыл в Москве мундир для торжественных выходов.

Желанным гостем поэт был в Акшуте, Языкове, Репьевке, Ундорах. В Языкове в 30-е годы жил поэт Н.М.Языков, в Ундорах — родители декабриста В.П.Ивашева, в Акшуте — Н.И.Поливанов, товарищ Лермонтова по университету, в Репьевке — А.В.Бестужев, человек весьма образованный, любитель литературы, печатавшийся в повременных изданиях. Известно его стихотворение, посвященное Давыдову: «Любуюсь я твоим конем...» Несмотря на близкое соседство между Давыдовым и Бестужевым шла оживленная переписка. В обществе друзей поэт с его «молодостью сердца» своей заразительной веселостью и даром рассказчика слыл душой товарищеских бесед.

Жизнь поэта в эти годы стала размеренной. В 4 часа утра он уже на ногах. До завтрака — литературная работа. В 9 часов завтрак, потом обязательная маршировка — прогулка по заранее измеренным аллеям обширного сада. В 3 часа обед. После он засыпал в кресле на

несколько минут. А потом снова литературные занятия. Вечером чай, шутки, интересные разговоры с домашними, гостями.

Часто бывал Давыдов и в Симбирске. Здесь Денис Васильевич пережил увлечение местной красавицей С.А.Кушкиной. Письма этого периода к друзьям заполнены описаниями предмета поздней страсти, носившей высокий, одухотворенный характер. Кушкиной поэт посвятил несколько стихотворений «Вы хороши», «Душенька», «Н.Н.» и другие, написанные в Симбирске. Автор считал эти стихи лучшими в своем творчестве, Белинский назвал их «прекрасными» и цитировал в статье о Давыдове.

Реже стал выглядывать Денис Васильевич из Мазы в последние годы жизни. Давали себя знать и перенесенные военные походы, и надвигающаяся старость. «Как я ни храбрюсь, — писал он Жуковскому из Мазы, — а все чувствую, что не тот уже, что был... Стал кряхтеть на седле при усиленном переходе, чего никогда не делал и не понимаю, как можно делать». Мучила астма, которую сам лечил гомеопатией, шутя называл себя «гусаром-эскулапом».

Занимался в Мазе Давыдов и воспитанием своих восьмерых детей, которых очень любил. Интересны его письма к сыну Василию, где он настаивает на приобретении «обширных сведений», так как тогда можно будет «легко с честью и со славой носить всякий мундир». Любил Денис Васильевич повторять сыновьям поговорку: «Береги платье снову, а честь смолоду».

Только здесь, в глухом степном селе, Давыдов осознал себя настоящим литератором, установил тесные связи с писателями и общественными деятелями. Он активно сотрудничал с «Литературной газетой», «Современником», «Библиотекой для чтения», «Сыном Отечества», вел обширную переписку, оставаясь в курсе современного литературного движения. Особенно часто он переписывается с Пушкиным, дружба с которым, несмотря на расстояние,

крепнет и приобретает характер плодотворного содружества. «Рассчитывай на меня, — пишет он Пушкину, — я под твоим начальством буду лихо служить». А узнав о посещении Пушкиным Симбирска и поместья Языковых, Давыдов горестно сообщает ему: «Ты был у Языкова, и я не знал о том. Неужели ты думаешь, что я мог бы засидеться в своем захолустье и не прилетел бы обнять тебя. Злодей, зачем не уведомил ты меня о том?..»

Высоко ценил Денис Васильевич талант своего «волжского земляка» — Николая Языкова. «Вы мой лучший поэт, — писал ему, — никто мне душу не возвышает более вас, никто не ласкает мое сердце более ваших стихов». И еще: «В обеих последних войнах стихи ваши... возились мною за пазухой, как волшебная ладанка, имеющая свойство возвышать душу и умножать бодрость и жажду к битвам и славе». В свою очередь в своем послании к Давыдову 1835 года Языков пишет:

*Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно летучий,
И разгульно удалой...*

В Мазе Давыдов предстал во всем многообразии своего таланта. Он завоевал, как заявил Белинский, право стоять наряду с лучшими прозаиками русской литературы. «Не позволяют драться, я принялся описывать, как дрались», — говорил Давыдов. Здесь, в Мазе, им было написано около двадцати прозаических сочинений: мемуаров,

военно-исторических статей и специальная исследовательская работа «Опыт теории партизанского действия». Военная проза Давыдова красочна и своеобразна, как и все, выходящее из-под пера этого разносторонне одаренного человека. Написанная ярким, неподражаемым языком, она с увлечением читается и в наши дни.

22 апреля 1839 года Денис Васильевич скончался от апоплексического удара, заставшего его за письмом к сыну. Такова существующая версия. Но вот в 1962 году правнучка Давыдова Ольга Николаевна Давыдова заявила, что ее прадед покончил с собой после двукратного посещения его неким жандармским полковником и длительных, крайне его расстроивших бесед наедине с ним. В семье Давыдовых в этом факте не сомневались, хотя и тщательно его скрывали. Слух о самоубийстве поэта жил и среди мазинских крестьян.

Так, в 1944 году, на собрании в Мазе, посвященном памяти Д.В. Давыдова, семидесятилетний Андрей Никанорович Носанов говорил: «Старики говорили, будто против царя он буйствовал, его за это и от службы отстранили. А как царь стал до него и тут добираться да притеснять, он, стало быть, не стерпел да и отравился».

Жители Верхней Мазы бережно хранят память о своем земляке. Там, где покоился прах Давыдова, до перезахоронения в Москве, в Новодевичьем монастыре, разбит сквер. Здесь стоит бронзовая фигура поэта в гусарской форме с непокрытой головой и смелым, призывным взглядом.